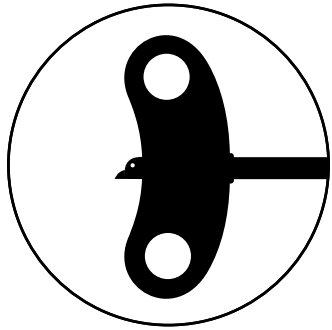

ХАРУКИ МУРАКАМИ

Хроники Заводной Птицы

МОСКВА

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
М91

Haruki Murakami
NEJIMAKI-DORI KURONIKURI

Copyright © Haruki Murakami, 1994, 1995

Перевод с японского *Ивана* и *Сергея Логачевых*

В оформлении обложки использована иллюстрация
Noma Bar / Dutch Uncle

Мураками, Харуки.
М91 Хроники Заводной Птицы / Харуки Мураками ; [пер. с яп. С. Логачева, И. Логачева]. — Москва : Эксмо, 2026. — 640 с.

ISBN 978-5-04-094492-7

Роман «Хроники Заводной Птицы» Харуки Мураками — произведение поистине джойсовского масштаба. Ужас Второй мировой войны и судьба нашего современника в Японии, письма, мистические сны, воспоминания, журнальные статьи, закодированные файлы — цельное полотно, сотканное из невероятных событий, тонкой иронии и неподражаемой интонации Харуки Мураками.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-04-094492-7

© И. Логачев, С. Логачев,
перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Книга первая

СОРОКА-ВОРОВКА

Июнь — июль 1984 г.

1

Заводная Птица во вторник
Шесть пальцев и четыре груди

Когда зазвонил телефон, я варил на кухне спагетти, насвистывая увертюру из «Сороки-воровки» Россини, которую передавали по радио. Идеальная музыка для спагетти.

Я подумал, не послать ли звонок к черту: спагетти почти сварились, и Клаудио Аббадо подводил Лондонский симфонический оркестр к музыкальному апогею. Впрочем, пришлось сдаться: кто-нибудь из приятелей мог предлагать работу. Я убавил огонь на плите, зашел в гостиную и снял трубку.

— Удели мне десять минут, — сказала трубка женским голосом.

На голоса у меня память неплохая, но этот был незнаком.

— Извините? Кого вам нужно? — вежливо осведомился я.

— Тебя, конечно. Дай мне десять минут, и мы сможем понять друг друга. — Голос звучал низко, мягко — и в то же время тускло.

— Понять друг друга?

— Я имею в виду чувства.

Я заглянул на кухню. Спагетти кипели вовсю — из кастрюли валил пар. Аббадо продолжал командовать «Сорокой-воровкой».

— Извините, но я как раз готовлю спагетти. Не могли бы вы перезвонить позже?

— Спагетти?! — изумленно проговорила женщина. — Ты в пол-одиннадцатого утра варишь спагетти?

— Ну, тебя это не касается. — Я слегка обозлился и перешел на «ты». — Когда хочу — тогда и завтракаю.

— Пожалуй, верно. Хорошо, перезвоню, — сказала она. Прозвучало невыразительно и сухо. Удивительно, как легкая смена настроения влияет на оттенки человеческого голоса.

— Минуточку, — сказал я, не дав ей положить трубку. — Если ты что-нибудь продаешь, то сюда звонить бесполезно. Я сижу без работы, и мне не до покупок.

— Не беспокойся. Я знаю.

— Знаешь? Что ты знаешь?

— Что ты без работы. Мне это известно. Беги скорее, доваривай свои драгоценные спагетти.

— Послушай! Ты вообще... — Связь оборвалась на полуслове — как-то слишком резко.

Я обалдело смотрел на зажатую в руке трубку, пока не вспомнил про спагетти. Вернувшись на кухню, выключил газ и вывалил содержимое кастрюли в дуршлаг. Из-за этого звонка спагетти немного разварились, но это не смертельно. Я стал есть — и думать.

Понять друг друга? — повторял я, поглощая спагетти. Понять чувства друг друга за десять минут? О чем она? Может, просто кто-то решил пошутить? Или какой-нибудь новый трюк торговых агентов? В любом случае это не ко мне.

Вернувшись в гостиную, я устроился на диване с библиотечной книжкой, время от времени поглядывая на телефон. Что мы должны были понять друг о друге за десять минут? Что вообще два человека могут узнать друг о друге за десять минут? Подумать только: женщина, похоже, была чертовски уверена в этих десяти минутах — ведь это первым слетело у нее с языка. Будто девять минут — слишком мало, а одиннадцать — уже чересчур. Какая точность! Похоже на спагетти.

Читать расхотелось, и я решил погладить рубашки. Я всегда этим занимаюсь, когда в голове каша. Старая привычка. Операцию эту я строго разбиваю на двенадцать этапов — начинаю с внутренней стороны воротничка (№ 1) и заканчиваю манжетой на левом рукаве (№ 12). Порядок всегда один и тот же, и за глажкой я веду отсчет операций. Иначе толку не будет.

Выгладив три штуки, я проверил, не осталось ли складок, и развесил рубашки. Едва я выключил утюг и убрал его в шкаф вместе с гладильной доской, в голове прояснилось.

Только я зашел на кухню выпить воды, как опять зазвонил телефон. Чуть помедлив, я все-таки решил поднять трубку. Если это та же самая женщина, скажу, что глажу, и на этом конец.

Но это была Кумико. Часы показывали полдвенадцатого.

— Как дела? — спросила она.

— Прекрасно.

— Чем занимаешься?

— Вот гладить закончил.

— Что-нибудь не так? — В ее голосе слышалось чуть заметное напряжение: она знала, в каком состоянии я обычно принимаюсь гладить.

— Да нет. Просто выгладил несколько рубашек. — Я уселся на стул и переложил трубку в другую руку. — Чего звонишь?

— Ты стихи умеешь писать?

— Стихи? — удивился я и подумал: стихи? Какие еще стихи?

— У меня знакомая в одном журнале... Это журнал для девушек. Им нужен человек — отбирать и править стихи, которые присылают в редакцию читательницы. Еще он должен каждый месяц писать короткое стихотворение на титул. За такую ерунду неплохо платят. И занят, конечно, не весь день. Могут подбрасывать еще что-нибудь на редактуру, если...

— Ерунда? — перебил ее я. — Погоди-ка. Мне нужно что-нибудь юридическое. С чего ты взяла, что я умею править стихи?

— Я думала, ты что-то писал, когда учился в школе.

— Писал, конечно. В стенгазету — какой класс выиграл в футбол или как физик свалился с лестницы и попал в больницу. В общем, всякую фигню. Но не стихи. Я не умею писать стихи.

— Но я ведь не о настоящих стихах говорю. Какие-нибудь бредни для школьниц. Никто не требует, чтоб они вошли в литературу. Ты их сможешь сочинять с закрытыми глазами. Понятно?

— Послушай! Я просто не умею писать стихи — ни с открытыми глазами, ни с закрытыми. Никогда этим не занимался и не собираюсь, — отрезал я.

— Ладно, — вздохнула жена. — Но ведь по юридической части работу найти трудно.

— Знаю. Потому я и раскинул щупальца во все стороны. Скоро кто-нибудь должен ответить. Если не получится, снова буду соображать.

— Ну, как знаешь. Кстати, какой сегодня день?

Я задумался.

— Вторник?

— Тогда, может, сходишь в банк — заплатишь за газ и телефон?

— Схожу. Все равно идти надо. Собирался купить что-нибудь к ужину.

— Что хочешь готовить?

— Еще не знаю. В магазине что-нибудь придумаю.

— Ты подумай хорошенько, — сказала она серьезно. — Нечего так уж торопиться с работой.

Таких слов я никак не ожидал.

— Это почему? — Что сегодня за день такой? Все женщины мира взялись удивлять меня по телефону? — Страховка по безработице рано или поздно кончится. Не могу же я всю жизнь сидеть без дела.

— Правильно, но мне же повысили зарплату плюс разные подработки, сбережения... Вполне проживем, если не будем транжирить. Тебе надоело сидеть дома и заниматься хозяйством? Тебе не нравится?

— Не знаю, — честно ответил я. Я на самом деле не знал.

— Тогда сядь и как следует подумай, — сказала жена. — Кстати, кот вернулся?

Кот. Я совсем забыл про кота.

— Нет. Пока.

— Может, поищешь? Его уже неделю как нет.

Я уклончиво промычал и снова переложил трубку в другую руку.

— Почти наверняка шляется где-нибудь у пустого дома в конце дорожки. Там, где во дворе птица стоит. Я его там несколько раз видела.

— На дорожке? Когда это ты туда ходила? Раньше ты не говорила...

— Ой-ой! Надо бежать. Много работы. Не забудь про кота.

Раздались короткие гудки. Я снова посмотрел на трубку и положил ее на рычаг.

Интересно, зачем Кумико туда понесло? Наш дом от дорожки отгораживала стена из бетонных блоков. Лазить через нее не было никакого смысла.

Я сходил на кухню за водой, вышел на веранду — посмотреть, осталась ли в кошачьей миске еда. Кучка сардин лежала нетронутой с прошлого вечера. Кот не приходил. Я стоял на веранде и глядел на наш маленький сад в лучах раннего лета. Садик не из тех, что успокаивают душу. Солнце задерживалось там совсем ненадолго, поэтому земля всегда была черной и влажной. Из растений в углу водились лишь два-три кустика блеклых гортензий, а я не очень люблю эти цветы. По соседству торча-

ло несколько деревьев, и оттуда раздавался механический крик какой-то птицы, напоминавший скрежет заводимой пружины. Бог знает, что это была за птица и как она выглядела, но Кумико прозвала ее Заводной Птицей. Каждый день Заводная Птица прилетала сюда и заводила пружину нашего тихого мирка.

Нужно было идти искать кота. Я всегда любил этих животных — и нашего кота тоже. Но коты живут своей, кошачьей жизнью и притом весьма неглупы. Если кот пропал, значит, решил куда-то наведаться. Устанет, есть захочет и вернется домой. И все же надо пойти поискать его, чтобы Кумико была довольна. Все равно заняться больше нечем.

В начале апреля я ушел из юридической фирмы, где проработал довольно долго. Без особых причин — просто взял и ушел. Нельзя сказать, что работа мне не нравилась. Так, ничего особенного, но платили хорошо, и коллектив нормальный.

По правде сказать, в конторе я исполнял роль профессионального мальчика на побегушках. Получалось, по-моему, здорово. Надо сказать, у меня настоящий талант для выполнения практических обязанностей. Я схватываю все на лету, действую энергично, никогда не жалуюсь. Кроме того, я — реалист. Вот почему, когда я объявил, что хочу уйти, старший компаньон (это было адвокатское бюро типа «Отец и Сын», и он им управлял) даже предложил мне небольшую прибавку к жалованью.

Но я все-таки уволился — и не потому, что у меня были какие-то особые надежды или планы. Меньше всего мне хотелось, к примеру, снова запереться дома и готовиться к экзамену в коллегию адвокатов. Но оставаться в конторе и продолжать заниматься тем, чем занимался, я тоже не хотел. Если увольняться, то сейчас, решил я. Останься я на месте, это было бы на всю жизнь. В конце концов, мне уже тридцать.

За ужином я сказал Кумико, что собираюсь уйти с работы.

— Ясно, — только и ответила она и на какое-то время замолчала, хотя ясно совсем ничего не было.

Я тоже помалкивал, пока Кумико не добавила:

— Если ты решил уволиться, значит, так и надо. Это твоя жизнь, и можешь поступать так, как тебе хочется. — Сказав это, она стала выбирать палочками кости из рыбы и складывать их на край тарелки.

Жена прилично зарабатывала в журнале о здоровом питании, где была редактором. Кроме того, друзья из других журналов время от времени подбрасывали ей заказы по оформлению — тоже совсем не лишний доход. (В колледже она занималась дизайном и мечтала стать свободным художником-иллюстратором.) Вдобавок, уйди я из фирмы, у меня тоже какое-то время оставались бы деньги из страховки по безработице. То есть, даже если бы я сидел дома на хозяйстве, нам все равно хватило бы на еду, химчистку и другие траты, и наша жизнь мало бы изменилась.

Так я бросил работу.

Я загружал в холодильник купленные продукты, когда раздался звонок. На этот раз аппарат трезвонил нетерпеливо и раздраженно. Я как раз открывал пластиковую упаковку тофу. Положил ее на стол, зашел в гостиную и снял трубку.

— Ну как? Доел спагетти? — сказала женщина.

— Доел. Но сейчас мне надо идти искать кота.

— Десять минут подождет, я уверена. Это не спагетти варить.

Я почему-то не мог прервать разговор — что-то в голосе женщины меня притягивало.

— Ну, хорошо. Но только десять минут.

— Теперь мы сможем понять друг друга, — тихо произнесла она. Я почувствовал, как она удобнее устроилась на стуле и положила ногу на ногу.

— Интересно, — сказал я, — почему именно десять минут?

— Десять минут... это может оказаться дольше, чем ты думаешь.

— Ты уверена, что мы знакомы?

— Конечно. Мы много раз встречались.

— Когда? Где?

— Неважно. Если в это углубляться, десяти минут не хватит. Важно время, в котором мы сейчас. Настоящее. Ты не согласен?

— Может, и так. Но я хотел бы убедиться, что ты меня знаешь.

— Какие доказательства тебе нужны?

— Например, сколько мне лет?

— Тридцать, — сразу отозвалась она. — Тридцать лет и два месяца. Хватит?

Поразительно — она действительно меня знает, но я совершенно не помню ее голоса.

— Теперь твоя очередь, — произнесла она вкрадчиво. — Попробуй вообразить меня. По голосу. Представь, какая я. Сколько мне лет. Где я сейчас. Как одета. Ну, давай?

— Понятия не имею.

— Давай же. Напрягись.

Я взглянул на часы. Прошла только минута и пять секунд.

— Абсолютно не представляю, — снова сказал я.

— Давай, я тебе помогу. Я — в постели. Только что из душа, и на мне ничего нет.

Блеск! Секс по телефону.

— Или ты предпочитаешь, чтобы я что-нибудь надела? Кружева? Или чулки? На тебя это подействует?

— Да какая мне разница? Делай что хочешь. Можешь надеть что-нибудь, а хочешь — валяй голышом. Извини, но такие телефонные игры меня не интересуют. У меня масса дел и...

— Десять минут. Ты же не умрешь, если потратишь на меня десять минут? Только ответь на мой вопрос: ты хочешь, чтобы я была голая, или мне что-нибудь надеть? У меня много разных вещей. Черное кружевное белье...

— Давай голышом. Согласен. — Прошло четыре минуты.

— Волосы у меня на лобке еще мокрые, — продолжала она. — Я еще не обсохла как следует. О-о! Как у меня там влажно! Тепло и очень влажно. Волоски такие мягкие. Черные и изумительно мягкие. Хочешь погладить?

— Послушай, ты, конечно, извини, но...

— И ниже. Еще ниже. Там тоже тепло — совсем как подогретый крем. Очень тепло. М-м-м. В какой я сейчас позе, как ты думаешь? Правое колено приподнято, левая нога в сторону. Как стрелки часов, когда показывают десять ноль пять.

По ее голосу я понимал, что она не притворяется. Она действительно раскинула ноги на 10.05; ее влагалище было мягким и сочным.

— Потрогай губки. Ме-едленно. А теперь раскрой их. Вот так. Ме-едленно, ме-едлен-н-но. Пусть твои пальцы ласкают их. Вот так! О-о-очень медленно. А теперь коснись другой рукой моей левой груди. Поиграй с ней. Поласкай. Веди руку выше. Сожми легонько сосок. Еще раз. Еще. И еще. Я сейчас кончу.

Ни слова не говоря, я положил трубку. Вытянувшись на диване, уставился на часы и глубоко вздохнул. Разговор занял минут пять-шесть.

Через десять минут телефон зазвонил снова, но я не притронулся к трубке. Прозвонив пятнадцать раз, аппарат смолк, и в комнате наступила глубокая, холодная тишина.

Без чего-то два я перелез через стену в нашем дворе и оказался на дорожке. Мы так называли ее, хотя это не была дорожка в прямом смысле. Наверное, нет слова, которым можно обозначить, что это такое. К дорогам оно точно не имеет отношения: у дороги есть начало и конец, она приведет вас куда надо, если вы по ней пойдете. А у нашей дорожки не было ни начала, ни конца, ни входа, ни выхода. С обеих сторон она заканчивалась тупиками. Но даже тупиком ее нельзя было назвать: у тупика имеется хотя бы вход. Соседи для удобства называли ее просто дорожкой. Длиною метров в триста, она разделяла задние дворы стоявших вдоль нее домов. Шириной около метра, а в нескольких местах вообще завалена хламом и перегорожена заборами.

Мой дядя, почти задаром сдавший нам этот дом, рассказывал, что когда-то дорожка имела два конца и служила переулком, соединявшим улицы. Но в годы экономического бума на свободных участках выросли новые дома и стиснули этот проход так, что он превратился в неширокую дорожку. Людям не нравилось, что посторонние ходят прямо у них под окнами или на заднем дворе, поэтому один конец скоро заблокировали или, скорее, перегородили скромным заборчиком. А через какое-то время некий житель решил расширить свой сад и наглухо запечатал этот конец стеной из блоков. Как будто в ответ, на другом конце вырос барьер из колючей проволоки, через который не могли пробраться даже собаки. Соседи не жаловались — уже никто не пользовался этим проходом, и они радовались, что появилась дополнительная защита от злоумышленников. В конце концов, проходом, напоминавшим заброшенный канал, перестали пользоваться, и он превратился в ничейную полосу между двумя рядами домов. В разросшихся сорняках свою клейкую паутину развесили пауки.

И что это вдруг жена туда зачастила? Я сам наведывался на эту дорожку от силы раза два, да и Кумико пауков боялась. Но какого черта? Если она сказала, что надо поискать кота на дорожке, значит, надо идти. В любом случае гораздо лучше прогуляться, чем сидеть дома и ждать, когда зазвонит телефон.

Яркое солнце первых дней лета испещрило дорожку темными пятнами теней от распростертых над головой ветвей, замер-

ших в полном безветрии. Казалось, теням суждено навеки впечататься в дорожку. Сюда не проникал ни один звук. Чудилось, что я слышу, как под лучами солнца дышат травинки. По небу дрейфовала кучка мелких облаков. Их четкие и аккуратные контуры напоминали облака со средневековых гравюр. Мир вокруг воспринимался с такой пугающей ясностью, что мое собственное тело казалось зыбким, безграничным, текучим. И очень горячим.

На мне была футболка, тонкие брюки и теннисные тапочки, но я чувствовал, как на солнцепеке под мышками и на груди выступил пот. Как раз в то утро я достал футболку и брюки из коробки с летними вещами, поэтому в нос еще бил резкий запах нафталина.

Соседские дома четко делились на две категории: более старые и построенные не так давно. Новые, как правило, были меньше, их участки — скромнее. Концы длинных палок, на которых сушилось белье, торчали поперек дорожки, и временами мне приходилось прокладывать себе дорогу через завесы полотенец, рубашек и простыней. Откуда-то отчетливо слышались звуки телевизора, где-то спускали в туалете воду, пахло карри.

Старые дома, напротив, почти не подавали признаков жизни. От дорожки их отделяли живые изгороди из ухоженных кустарников, словно ставни, сквозь которые виднелись причесанные сады. В углу одного сада стояла бурая и высохшая новогодняя елка. Другой участок превратили в свалку всех мыслимых игрушек: похоже, их оставили несколько поколений детей. Там валялись трехколесные велосипеды и накидные кольца, пластмассовые мечи и резиновые мячики, куклы-черепашки и маленькие бейсбольные биты. В третьем саду висело баскетбольное кольцо, в четвертом на газоне стояли замечательные дачные стулья и керамический столик. Стулья, первоначально белого цвета, были покрыты таким слоем грязи, будто ими не пользовались несколько месяцев, а может быть, и лет. К столу прилипли лиловые лепестки магнолии.

Сквозь одну стеклянную дверь в алюминиевой раме хорошо просматривалась обстановка комнаты. Кожаный диван и кресла, большой телевизор, буфет (на котором расположились аквариум с тропическими рыбками и два каких-то кубка) и торшер. Комната выглядела декорацией к телеспектаклю. Еще в одном саду стояла огромная собачья конура с дверцей настежь — со-

баки в ней не было. Металлическая сетка на дверце вздулась, будто обитатель конуры несколько месяцев наваливался на нее изнутри всем телом.

Пустой дом, о котором говорила Кумико, стоял как раз за участком с конурой. Что там никто не живет — причем уже довольно давно, — было видно сразу. Сравнительно новое двухэтажное здание, однако закрытые деревянные ставни сильно обветшали, а металлические наличники окон второго этажа покрылись ржавчиной. В аккуратном садике действительно стояла каменная статуя птицы. Она возвышалась на величественном постаменте, окруженная буйными сорняками. Длинные ветки золотарника почти касались ее ног. Птица — я понятия не имел, к какому виду пернатых она относилась, — расправила крылья, будто хотела поскорее вырваться из этого малоприятного местечка. Кроме статуи, никаких украшений в саду не было. У стены дома один на другом громоздилось несколько видавших виды пластмассовых стульев. Рядом неестественно яркими красными цветами распустился куст азалии. Все остальное пространство в этой картине занимали сорняки.

Я оперся о сетку забора, доходившего мне до груди, и некоторое время рассматривал сад. Райское, наверное, место для кошек, но их тут что-то не видно. Сцену оживляло только монотонное воркование одинокого голубя, сидевшего на телевизионной антенне. Тень от каменной птицы, разломившись пополам, лежала на зелени вокруг статуи.

Я достал из кармана лимонную карамельку и, развернув, бросил ее в рот. Уволившись, я бросил курить и вот теперь вместо сигарет не расставался с пачкой лимонных карамелек. Жена предупреждала, что я могу испортить себе зубы, но обойтись без карамелек я не мог. Пока я разглядывал сад, голубь на антенне ворковал без остановки — он походил на клерка, штампующего номера на стопке счетов. Не знаю, сколько я простоял там, но помню, что выплюнул карамельку на землю, почувствовав, как она, наполовину растворившись, наполнила рот липкой сладостью. Затем опять перевел взгляд на тень каменной птицы — и только теперь сообразил, что кто-то меня зовет.

Я обернулся и в саду напротив увидел девчонку. Маленького роста, волосы собраны в конский хвост. На ней были темные очки в янтарного цвета оправе и светло-голубая майка без

рукавов. Хотя сезон дождей еще не кончился, на тонких руках девчонки лежал приятный мягкий загар. Одну руку она засунула в карман шорт, а другой опиралась на бамбуковую калитку, которая была ей по пояс. Между нами было не больше метра.

— Жарко, — сказала девчонка.

— Да, жарковато, — отозвался я.

Краткий обмен мнениями состоялся, а она все стояла и смотрела на меня. Затем достала из кармана пачку «Хоупа», вынула сигарету и зажала ее во рту. Верхняя губка у нее была чуть приподнята. Девчонка привычно чиркнула спичкой, закурила и наклонила голову. Из-под волос показалось гладкое ухо великолепной формы — словно только что вылепленное. По его тонким краям серебрился нежный пушок.

Она бросила спичку на землю и, вытянув губы, выдохнула дым. Затем повернулась так, словно вспомнила о моем присутствии. За темными зеркальными стеклами ее глаз не было видно.

— Вы где-то здесь живете? — спросила она.

— Угу. — Я собирался поворачивать домой, но, пробираясь сюда, совершил столько маневров, что перестал ориентироваться. Придется выбираться наугад. — Ищу нашего кота, — сказал я, будто оправдываясь, и вытер о брюки влажную от пота ладонь. — Уже неделю как пропал. Его где-то здесь видели.

— Какой он из себя?

— Здоровый такой. С коричневыми полосками. Кончик хвоста немного загнут.

— Как зовут?

— Нобору. Нобору Ватая.

— Ничего себе имечко!

— Вообще-то так зовут моего свояка. Кот на него чем-то похож. Вот мы и назвали его так, смеху ради.

— Чем же кот на него похож?

— Да не знаю. Так, в общем. Походкой. И глаза такие же шкодливые.

Девчонка впервые улыбнулась и от этого стала еще больше походить на ребенка, чем показалось мне сначала. Ей лет пятнадцать-шестнадцать, не больше. Верхняя губа как-то необычно приподнялась в легкой усмешке. Показалось, будто я слышу голос: «Потрогай меня», — голос женщины в телефоне. Тыльной стороной ладони я вытер со лба пот.